Глава 6

УНИФИКАЦИЯ ДЕНЕЖНОГО РЫНКА: ПЛАНЫ И РЕАЛИИ

Децентрализация денежной системы: причины и формы

Важнейшей специфической чертой денежного рынка России периода революции и гражданской войны являлось появление множества денежных знаков. Причем условия их обращения были различные. Бонисты выделяют несколько видов средств платежа. К суррогатным денежным знакам относят облигации внутренних займов, купоны ценных бумаг, чеки и др., имевшие хождение наравне с общегосударственными деньгами. Они рассмотрены в предыдущей главе. К бонам относят, во-первых, необщеобязательные выпуски, эмитентами которых являлись местные административные органы или органы самоуправлений, отделения Государственного банка, выпуски крупных предприятий или кооперативов, суррогаты денег, эмитируемые местными органами. Во-вторых, частные необщеобязательные выпуски, осуществленные учреждениями, организациями, банками, небольшими производственными и торговыми предприятиями[1]. Едва ли можно согласиться с устоявшейся классификацией, в которой выпуски интервентов относятся к общеобязательным деньгам. Известные случаи подобных выпусков на востоке России следует отнести скорее к необщеобязательным.

Отношение к деньгам местного и необщеобязательного обращения в науке различное. Доминирует их оценка как крайне негативного для экономики явления, от которого государство должно стремиться избавиться как можно скорее. Однако есть мнение лауреата Нобелевской премии Ф.А. Хайека о том, что монополия государства на выпуск денег есть самая вреднейшая в экономике монополия[2]. Только свободная конкуренция между эмитентами может обеспечить наиболее эффективное функционирование хозяйственной системы. С научной точки зрения, особую актуальность приобретает проблема влияния демонополизации денежного рынка на функционирование всего хозяйственного организма.

Применительно к гражданской войне на востоке России данная проблема имеет богатую историографию. Особенный интерес представляет монография А.И. Погребецкого, дающая наиболее полную информацию о денежном рынке Дальнего Востока России. Она богата историческими экскурсами, отсылками к уникальным, не сохранившимся в настоящее

---

[1] Тхоржеский Р.И. Отечественная бонистика. Киев, 1988. С. 10–11.
[2] Хайек Ф.А. Частные деньги. М., 1996.

время документам, обилием статистических материалов, полученных автором как работником банковской системы Дальнего Востока в годы гражданской войны. Существенным недостатком данной публикации является обилие в ней опечаток, касавшихся, как правило, датировки событий[3]. Каталоги и издания бонистов часто повторяют статистику А.И. Погребецкого (без ссылок на источник), хотя порой приводят дополнительные сведения о многочисленных местных бонах, особенно в Поволжье, на Урале и в Сибири[4]. В большинстве исторических сочинений по Сибири и Дальнему Востоку самостоятельное изучение проблемы местных и частных эмиссий подменено кратким резюме монографии А.И. Погребецкого или вторичных исследований. Они лишь изредка дополнены отдельными фактами, извлеченными из каталогов денежных знаков или выявленными самостоятельно[5].

После Февральской революции связь финансовых институтов окраин России с центром страны почти полностью прекратилась. Зимой 1917—1918 гг., фактически еще до установления советской власти, городские самоуправления и отделения Государственного банка Владивостока, Николаевска-на-Амуре, Хабаровска прибегли к выпуску в обращение государственных ценных бумаг и даже разменных марок. Местные власти намеревались изъять эти денежные суррогаты сразу, как только в регион поступят деньги общероссийского образца в мелких купюрах[6].

К выпуску в обращение обязательств государственных займов в качестве денежных знаков вскоре стали прибегать и центральные власти. Впервые данная мера была предпринята советским правительством в кон-

---

[3] Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока в период войны и революции. 1914—1924. Харбин, 1924.

[4] Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории бывшей Российской империи за время с 1769 по 1924 г. М., 1924. С. 67–89; Бумажные денежные знаки России, СССР. СПб., 1994. С. 68–69, 74–84, 93–187; Каталоги бумажных денежных знаков России и стран СНГ. М., 1996. С. 34–39, 47–54; Козлов В. Боны и люди: Денежное обращение Урала (1840—1933): опыт нестандартного каталога. Екатеринбург, 2000.

[5] Алексеева В.К. Денежное обращение в Сибири и на Дальнем Востоке в годы гражданской войны // Проблемы истории Сибири: общее и особенное. Новосибирск, 1990. С. 72–77; Анисимов А.Л., Потоцкая Л.В. Финансовые органы на Дальнем Востоке в 1917—1920 гг. // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск, 2004. Вып. 4. С. 44–44; Кузнецова Л.Ф. Из истории денежного обращения Временных сибирских правительств 1918—1919 гг. // История белой Сибири. Кемерово, 1999. С. 111–114; Курсель Е.П., Лукасюк Ф.Ф. Денежное обращение на русском Дальнем Востоке с 1918 по 1924 гг. Чита, 1924. С. 4–6; Рогов Г.И. Денежные знаки, выпущенные в период существования белогвардейских правительств в Сибири и на Дальнем Востоке // История белой Сибири. Кемерово, 2001. С. 158–162; Он же. Денежное обращение в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги // История белой Сибири. Кемерово, 2003. С. 93–99; Он же. Денежное обращение на Дальнем Востоке в период Японской оккупации // История белой Сибири. Кемерово, 2005. С. 160–162; Ципкин Ю.Н. Антибольшевистское движение на Дальнем Востоке в период гражданской войны (1917—1922 г.) Хабаровск, 2003. С. 102–104; и др.

[6] Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 28, 151, 175.

це 1917 г. Она преследовала цель увеличения в обращении купюр мелкого достоинства. Тогда были разрешены к приему наравне с кредитными билетами обязательства Государственного казначейства со сроком оплаты до 1 декабря 1917 г., купоны к ним и облигации «займа Свободы». Они стали первыми денежными суррогатами общероссийского обращения[7].

В конце 1917 – начале 1918 г. в восточных регионах России постепенно установилась советская власть. С её появлением связан широкомасштабный выпуск денежных суррогатов местного обращения. В феврале 1918 г. Хабаровский совет по приказу Дальневосточного совета народных комиссаров начал выпуск денежных бон. Ко времени свержения власти большевиков в сентябре 1918 г. в Хабаровске и его окрестностях находилось в обороте более 11 млн руб. бонами. С апреля по сентябрь 1918 г. исполнительный комитет Амурского областного совета выпустил в Благовещенске около 70 млн руб. так называемых «амурских областных разменных билетов». Зейский совет весной выпустил чеков на 1170 тыс. руб. В Чите отступившая из Иркутска Центросибирь произвела эмиссию «сибирских кредитных билетов» на сумму свыше 20 млн руб. В июне 1918 г. Верхнеудинское казначейство выпустило около 6 млн проштампованных государственных процентных бумаг. Были и другие денежные суррогаты, выпуск которых санкционировали забайкальские большевики[8]. А.И. Погребецкий считал, что их количество в Забайкалье к середине 1918 г. достигало 31 млн руб.[9] Сюжет об эмиссионном «творчестве» дальневосточных советов нашел отражение в многочисленных публикациях отечественных исследователей, основывавшихся на фундаментальной монографии И.А. Погребецкого и за исключением Н. Наволочкина ничего к ней не добавлявших[10].

В Поволжье, на Урале и в Сибири советская власть не практиковала выпуск местных денежных знаков. Только во время боевых действий против «белых» екатеринбургские большевики отпечатали небольшое количество бон. Зато широко прибегли к выпуску собственных денег антибольшевистские правительства востока России. В июне 1918 г. для улучшения своего финансового положения Комуч выпустил в обращение хранившиеся в банках облигации государственных займов на сумму около 203 млн руб. Сам по себе этот факт мало о чем говорит. Поволжский бо-

---

[7] Таранков В.И. Ценные бумаги государства Российского. М.; Тольятти, 1992. С. 181.

[8] Наволочкин Н. В папке полтора миллиона. История денежных знаков на Дальнем Востоке // Дальний Восток. Владивосток, 1966. № 4. С. 153–158; Он же. Дело о полутора миллионах. Хабаровск, 1982. С. 5–21.

[9] Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 250.

[10] Алексеева В.К. Денежное обращение… С. 72–77; Парамонов О. «Кузнецы» с «языками». Сибирские деньги // Родина. 2000. № 5. С. 132–134; Пастухова Е.И. Финансово-денежная политика правительства Колчака // Гуманитарный ежегодник. Вып. 3. Сборник трудов аспирантов и соискателей. Новосибирск, 2002. С. 69–71; Слабина Л.А. От керенок к совзнакам. Денежное обращение в 1917—1924 гг. // Россия и АТР. 1998. № 3. С. 17–19; и др.

нист Л. Едидович насчитал 141 вид суррогатных денег, выпущенных Комучем, считая за особый вид разные типы суррогатов, разные штемпеля, как правило, удостоверявшие эмитента, и различные условия обращения (с удержанием процентов или без). Разрешая хождение купонов, власти вынуждены были смириться с существованием денежных суррогатов номиналами в 2 руб. 75 коп., 37 руб. и т.д. Причем из таких купюр необходимо было иногда ещё и вычитать 5% или 15%[11]. Государственные ценные бумаги в качестве денежных знаков были выпущены практически всеми отделениями Государственного банка и казначействами контролировавшейся Комучем части Поволжья и на Урале[12]. В ноябре 1918 г., накануне оставления «белыми» Поволжья, Совет управляющих ведомствами Всероссийского учредительного собрания прибег к выпуску собственных бон – краткосрочных обязательств. Объем эмиссии составил 70 млн руб.[13]

Еще одним крупным эмиссионером в Поволжско-Уральском регионе стало Уральское войсковое правительство. С конца 1918 г. по его указанию оренбургское отделение государственного банка стало выпускать свои денежные знаки. Эта инициатива потом была продолжена уже советской властью и вновь возобновлена «белыми». За весь период эмиссии было напечатано 163 млн руб.[14]

Временное областное правительство Урала поначалу согласовывало свою денежную политику с Временным сибирским правительством. По вопросу о выпуске в обращение купонов «займа Свободы» и об отношении к «самарским» деньгам на Урале Главное управление финансов Урала запрашивало в конце августа 1918 г. санкцию из Омска[15], а 12 сентября и 31 октября 1918 г. утвердило хождение на Урале всех денежных знаков, выпускаемых в соседней Сибири[16].

Но по мере ухудшения финансовых отношений уральских и сибирских властей Временное областное правительство Урала стало проявлять больше самостоятельности. По распоряжению Уральского областного правительства от 21 октября 1918 г. в Екатеринбурге было отпечатано пятидесятикопеечных уральских бон на 1,5 млн руб.[17] По словам Л.А. Кроля, отдавшего распоряжение об их выпуске, этот шаг объяснялся полным отсутствием на Урале мелких денежных знаков и был одобрен

---

[11] Едидович Л. Деньги Комуча. Самара, 2003 // Цит по: http://www.bonistikaweb.ru/knigi/Edidovich.htm

[12] Козлов В. Боны и люди… С. 67–69, 87, 93, 100–101; и др.

[13] ГАРФ, ф. Р-176, оп. 4, д. 28, л. 14; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1976. С. 161.

[14] Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 7. С. 2.

[15] СУР ВОПУ. № 4. Ст. 20; ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д. 18, л. 35; д. 13, л. 9.

[16] ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д. 58, л. 20об.

[17] СУР ВОПУ. № 5. Ст. 33; ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 2, л. 53; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 7. С. 4.

членом Директории В.А. Виноградовым[18]. Управляющий Главным управлением труда Временного областного правительства Урала П.В. Мурашев отмечал, что, несмотря на низкое качество (простая бумага, одноцветные, напечатаны типографским способом), «полтинники котировались наравне с царскими деньгами и керенками» [19].

В конце лета 1918 г. власть на Урале окончательно перешла к «белым». Примерно тогда же это произошло и на Дальнем Востоке. Отступая из Читы и Благовещенска, большевики захватили с собой почти всю наличность общероссийских денежных знаков, находившуюся в финансовых учреждениях этих городов. Поэтому Временное правительство Амурской области в сентябре–октябре 1918 г. выпустило в Благовещенске амурские разменные билеты на сумму 18 млн руб.

Таким образом, ситуация на финансовом рынке востока России летом – в начале осени 1918 г. еще более осложнилась благодаря активной денежной эмиссии местных правительств. Временное сибирское правительство отличалось сдержанностью на фоне активной эмиссионной деятельности остальных автономных правительств востока России. Более того, омские министры относились отрицательно к выпуску любых денежных суррогатов. Боны и ценные бумаги, выпущенные другими местными властями, Временное сибирское правительство намеревалось вывести из обращения. Теоретически возможны были два варианта решения этой проблемы: запрет хождения денежных суррогатов или их изъятие у населения за выкуп.

Западно-Сибирский комиссариат и Временное сибирское правительство сами вынуждены были легализовать обращение некоторых суррогатов. Летом 1918 г. на денежном рынке Сибири имели хождение различные государственные ценные бумаги: облигации, купоны к ним и государственные процентные обязательства. 16 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат подтвердил хождение облигаций, выпущенных в обращение при советской власти. Купоны же и обязательства продолжали иметь хождение наравне с кредитными билетами, хотя, как отмечалось позже в записке И.А. Михайлова, «вследствие отсутствия надлежащего законодательного акта со стороны Временного сибирского правительства эти знаки не всегда признавались публикой за законное платежное средство» [20]. Недостаток мелких купюр заставил Министерство финансов Временного сибирского правительства подготовить проект о выпуске в обращение купонов государственных процентных бумаг достоинством до 250 руб. Правительство намеревалось пополнить таким образом денежный рынок

---

[18] Кроль Л.А. За три года. (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С. 147.
[19] Мурашев П. Контрреволюция на Урале. 1918—1919 гг. // Уральский областник. 1994. № 4. С. 33.
[20] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 2, л. 8.

3–5 млн руб. мелких разменных денег. Это количество определялось суммой ценных бумаг, хранившихся в отделениях Государственного банка Сибири. Кроме того, Министерство финансов предлагало узаконить в качестве средства платежа обязательства государственных займов и облигаций «займа Свободы», срок выкупа которых истекал до октября 1918 г.[21] 23 сентября 1918 г. Временное сибирское правительство приняло постановление, узаконившее эти предложения Министерства финансов. В соответствии с ним к деньгам приравнивались как выпущенные Временным сибирским правительством, так и раньше находившиеся в обороте государственные ценные бумаги[22]. В результате такие выпуски были осуществлены в Барнауле, Бодайбо, Благовещенске, Иркутске, Мариинске, Николаевске-на-Амуре, Томске, Тюмени, Хабаровске, Чите и других городах. В одних случаях облигации «займа Свобода» ходили по номиналу, в других – по 85% от номинала[23].

Начало выпуска омской властью собственных денег осенью 1918 г. совпало со вступлением лагеря восточной контрреволюции в новую фазу своего развития – образования централизованной политической власти. Это обстоятельство существенно изменило геополитическую ситуацию. С расширением территории, контролируемой Временным сибирским, а затем Российским правительством, на омскую власть легла обязанность решить судьбу местных денежных суррогатов.

Отступление народной армии Комуча осенью 1918 г. вызвало массовое движение беженцев на восток страны. Поток «самарских» денег хлынул на территорию Сибири. Временное Сибирское правительство отдало распоряжение банкам, железнодорожным кассам, государственным учреждениям не принимать в платеж облигации государственных займов со штемпелем самарского правительства[24]. Не брали их и частные торговые предприятия. Это поставило беженцев в тяжелейшие материальные условия.

Свои краткосрочные обязательства Комуч успел разослать по уральским отделениям Государственного банка, испытывавшим наибольший дефицит денежных средств. В этих районах вся заработная плата была выплачена самарскими бонами. Их официальное непризнание оставило без средств к существованию население уральских городов[25].

Оренбургские боны стали быстро распространяться на районы Урала, которые находились под властью Временного Сибирского правительства.

---

[21] Там же, л. 9–11об.
[22] СУР ВСП. № 14. Ст. 126.
[23]Флеров В.С. Из истории денежного обращения в Сибири в период иностранной интервенции и гражданской войны // Труды Томского краеведческого областного музея. Томск, 1963. Т. VI. Вып. 2. С. 11–12.
[24] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 15.
[25] Там же, л. 3, 14, 18.

Министерство финансов запретило уральским отделениям Государственного банка принимать их[26]. Однако многочисленные распоряжения командования Уральского казачьего войска, в том числе самого войскового атамана – генерала А.И. Дутова, предписывали принимать оренбургские денежные знаки в Троицком и Верхнеуральском уездах наравне с общегосударственными. Более того, оренбуржцы ходатайствовали перед омскими властями о распространении действия бон на территорию Тургайской и Уральской областей, Стерлитамакского уезда Уфимской, Бузулукского уезда Самарской, Челябинского, Верхнеуральского и Троицкого уездов Челябинской губерний. Свою просьбу они мотивировали двумя обстоятельствами. Во-первых, в указанные районы не поступали денежные подкрепления из Омска, и хозяйственная жизнь региона поддерживалась только благодаря выпуску оренбургских бон. Во-вторых, интендантства, действовавшие в этих районах, были снабжены только оренбургскими бонами. Ограничивая их хождение, правительство вызывало перебои в военном снабжении[27].

Не только поволжские и уральские, но и дальневосточные местные денежные знаки осенью 1918 г. стали играть важную роль в хозяйственной жизни тех территорий, где они имели хождение. Дальневосточные отделения Государственного банка в течение нескольких месяцев получали подкрепление только советскими бонами. Союзные войска тоже старались расплачиваться ими. Временное сибирское правительство в течение долгого времени не признавало денежные суррогаты Забайкалья и Дальнего Востока ввиду их большевистского происхождения. Однако и официального запрета этих денег не последовало. Это вызвало нерешительность и непоследовательные действия местных властей. Одни финансовые учреждения региона принимали местные деньги, другие отказывались это делать. Например, 6 сентября 1918 г. Читинская казенная палата уведомила местное население, что пятидесятирублевые боны Центросибири с номерами свыше 360079 приему не подлежат. Распоряжение это было опубликовано Благовещенской казенной палатой и Иркутской городской думой. Другие финансовые учреждения региона обратились в Омск за разъяснениями, указывая на необходимость единства и согласованности действий в этом вопросе всех государственных органов[28]. Приморское земство предлагало учесть, что боны имеют реальное обращение на рынке по пониженному курсу и что советская власть щедро выдавала их красноармейцам и другим своим сторонникам, и произвести операцию полного

[26] Там же, л. 141–142, 147.
[27] Там же, л. 142, 149об, 153, 155–157.
[28] Там же, л. 83–84.

учета бон, закрепив их за владельцами, а потом выкупить по низкому рыночному курсу[29].

Неофициально Министерство финансов рекомендовало финансовым учреждениям региона воздержаться от приема бон Центросибири. Подобная тактика Омска способствовала резким скачкам цен, прекращению подвоза товаров то в одни, то в другие регионы. Она вызвала критику не только населения, но и местных гражданских и военных властей, которые опасались, что отмена денежных суррогатов приостановит экономическую жизнь Забайкалья и Приамурья, парализует работу государственного аппарата и сорвет проведение мобилизации. Местные власти требовали временно признать право обращения дальневосточных денежных знаков с последующим скорейшим обменом их на общероссийские по номинальной стоимости. Особоуполномоченный Временного сибирского правительства на Дальнем Востоке Д.Л. Хорват даже представил график и смету предстоявшего обмена[30].

Самая тяжелая ситуация сгладывалась с так называемыми частными бонами. Об их признании на общегосударственном уровне не могло быть речи. Более того, сибирские власти пытались запретить выпуск некоторых подобных денежных знаков. Например, отсутствие разменных денег заставило Кузнецкое каменноугольное и металлургическое товарищество выпустить собственные ордера. Удалось достичь договорённости с Кузнецким союзом кооперативов о приёме ордеров при условии их периодического обмена на общероссийские деньги в крупных купюрах. Но обращаемость ордеров была очень плохая. Приходилось прибегать к дополнительным выпускам. Ордера не принимали местные крестьяне, поэтому отоварить на них можно было только в лавках выпустившего их предприятия. В последних товары тоже быстро иссякали и поэтому ордера скапливались на руках у работников[31]. В начале 1919 г. Кузнецкий кооперативный союз и винные лавки отказались принимать ордера. Министерство финансов потребовало немедленно прекратить их выпуск и обменять держателям на сибирские краткосрочные обязательства. Но сделать это оказалось уже невозможно без прекращения деятельности предприятия. К апрелю ордеров напечатали на 950 тыс. руб.[32]

В феврале 1919 г. Красноярское общество взаимного кредита также выпустило разменные чеки на 3, 5, 10, 25 и 50 руб. Объём выпуска первоначально определили в 25 тыс., но за несколько месяцев выпуск пришлось

---

[29] Земская жизнь Приморья (Владивосток). 1918. № 5. С. 9.

[30] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 23, 79, 91, 188, 272; Сибирская речь (Омск). 1919. 27 февр.; Русская армия (Новониколаевск). 1919. 5 марта.

[31] ГАКО, ф. Д-13, оп. 1, д. 20, л. 37; д. 28, л. 191, 197.

[32] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 14об., 116; ГАКО, ф. Д-13, оп. 1, д. 43, л. 8–9, 14, 16.

увеличить до 550 тыс. руб.[33] Основная цель этого мероприятия – облегчить размен пятитысячных купюр.

Функция большинства местных выпусков сводилась к восполнению недостатка мелкой разменной монеты. Это не была эмиссия новых денег. Обычно выпускавшее их учреждение имело в своей кассе или на банковском счету соответствовавшую выпуску сумму в крупных купюрах, которые являлись обеспечением. Но негативная реакция центральных органов тоже была закономерна – ведь это подрывало единое денежное пространство.

Российское правительство, стремясь ограничить выпуск частных бон, для снятия остроты дефицита разменных денег само вынуждено было возобновить выпуск в обращение суррогатов общероссийских образцов. На один из примеров указывает В.С. Флеров. По его сведениям, в январе 1919 г. Самарская контора Государственного банка, эвакуированная в Томск, получила указания выпустить оставшиеся запасы государственных ценных бумаг, наложив на них штемпель «Томск, 1918». Ориентировочно размер выпуска можно определить в 40 млн руб.[34]

На пути к унификации

Давление местной общественности и государственных чиновников стало главным мотивом, заставившим власть пойти на временное признание некоторых местных денежных суррогатов и бон в Забайкалье и на Дальнем Востоке. В соответствии с постановлением Административного совета Временного сибирского правительства от 17 октября 1918 г. к временному хождению в Амурской области допускались боны одного, 3-х, 5-ти и 100-рублевого достоинства, в Хабаровском районе – боны 5-ти и 10-рублевого достоинства и в Забайкальской области – «сибирские кредитные билеты» 50-рублевого достоинства. При этом действительными считались боны только в том случае, если до 1 декабря 1918 г. на них ставили штемпель местных отделений Государственного банка. После 1 декабря правительство обещало обменять их на общесибирские денежные знаки по равноценному курсу. Этим же постановлением Административный совет узаконил и временное хождение облигаций государственных займов и купонов к ним, выпущенных в обращение Комучем[35].

Такое решение правительства явилось важным шагом на пути к унификации финансового рынка Дальнего Востока, так как в официальном обращении оставались только наиболее значительные виды местных денег – советские боны и деньги Временного областного амурского прави-

[33] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 232–233об.
[34] Флеров В.С. Из истории денежного обращения… С. 13.
[35] ГАРФ, ф. Р-131, оп. 1, д. 103, л. 66об.

тельства. Аннулировались более десятка видов денежных суррогатов, выпущенных в небольшом объеме и только засорявших рынок.

В середине осени 1918 г. стало очевидным пагубное влияние омской практики игнорирования денежных суррогатов Поволжья и Урала на экономическое положение территорий, где они имели хождение. В соответствии с принятыми Советом министров 20 декабря 1918 г., 13 и 25 февраля 1919 г. постановлениями местные денежные знаки Поволжско-Уральского региона получали право временного хождения с последующим их равноценным обменом на общероссийские[36]. Местные деньги, за исключением государственных ценных бумаг, выпущенных с разрешения Комуча, получали право хождения наравне с общероссийскими, но на ограниченной территории. Наиболее льготные условия были распространены на пермские и екатеринбургские выпуски государственных ценных бумаг, которые должны были принимать не только на Урале, но даже в Тобольской губернии.

Временное сибирское правительство предложило владельцам поволжских и уральских облигаций и купонов к ним, выпущенных с санкции Комуча, предъявить их в учреждения Государственного банка до 1 декабря 1918 г. для регистрации путем наложения сибирских штемпелей. Государство должно было выкупить эти облигации по номиналу в двухмесячный срок. В декабре 1918 г. срок регистрации и выкупа был продлен на месяц. Поводом для этого послужили соображения социальной политики. Основными держателями самарских облигаций были поволжские беженцы и военнослужащие, направлявшиеся в тыл после боевых действий в Поволжье. В объяснительной записке Министерства финансов отмечалось, что беженцы, составлявшие большинство владельцев самарских облигаций, не обрели еще постоянного места жительства, а многие из них даже не были осведомлены о намерениях правительства изъять самарские деньги[37].

Реальная причина отсрочки заключалась в другом. С ноября 1918 г. статус омской власти повысился до всероссийского уровня, и вся бывшая территория Комуча попала под её юрисдикцию. Выкупу стали подлежать все самарские облигации, а не их меньшая часть. Средств для такой масштабной выкупной операции правительство не имело. Поэтому Министерство финансов предложило для решения проблемы продлить на месяц сроки регистрации и выкупа.

За месяц, испрошенный финансовым ведомством для обмена самарских бон, положение с денежной наличностью у правительства не улучшилось. Тогда власть пошла на временное признание облигаций с самарским штемпелем при наличии купонных листов к ним. В дальнейшем они

---

[36] СУР РП. № 5. Ст. 52–54; Правительственный вестник. 1919. 3 янв., 18 февр., 8 марта.
[37] ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 856, л. 230, 230об.

подлежали обмену на новые облигации в назначенные Министерством финансов сроки, что переводило их из разряда денежных суррогатов в государственные ценные бумаги[38]. Правда, срок выплаты по этим новым облигациям не оговаривался. Правительство надеялось таким образом получить возможность аннулировать один из самых многочисленных денежных суррогатов, не затрачивая в ближайшее время средства на денежную компенсацию их держателям. Эта мера так и не была проведена в жизнь. Облигации продолжали иметь хождение в Уральско-Поволжском регионе в качестве денежных знаков до его занятия войсками Красной армии.

Другие денежные знаки, источником происхождения которых являлся Комуч, постигла подобная судьба. Постановлением правительства от 20 декабря 1918 г. краткосрочные обязательства Комуча допускались к временному хождению на территории Уфимской, Оренбургской, Самарской и Симбирской губерний с последующим изъятием из обращения в сроки, установленные Министерством финансов[39]. Однако и эту меру не удалось воплотить.

В ряду нереализованных мероприятий оказался и обмен оренбургских денег. 13 февраля 1919 г. Совет министров постановил обменять денежные знаки Оренбургского отделения Государственного банка на общегосударственные в месячный срок. Постановление ограничивало хождение этих бон административными границами Оренбургского казачьего войска[40]. Российское правительство так же вынуждено было поступить и с небольшой партией разменных бон, выпущенных в обращение в Екатеринбурге советской властью и Временным областным правительством Урала и распространившихся по всему Уральскому региону. В соответствии с постановлением Совета министров от 25 февраля 1919 г. они получили право временного хождения. Владельцы обязаны были предъявить их в отделения Государственного банка для штемпелевания до 1 мая 1919 г. Лишь боны со штемпелем подлежали в будущем обмену на общероссийские деньги[41]. Правда, обмена этих денежных знаков так и не последовало.

Итак, постановления об обмене денежных знаков Поволжья и Урала были приняты, но сам обмен так и не состоялся. Причину следует искать в том, что данные постановления принимались под давлением социальных и экономических обстоятельств, но не соответствовали реальным финансовым возможностям омской власти. Желая оставить себе возможность маневра, правительство в каждом постановлении об обмене денежных

---

[38] Правительственный вестник. 1919. 28 февр.
[39] Там же. 3 янв.; ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 28, 29.
[40] Правительственный вестник. 1919. 28 февр.
[41] Там же. 8 марта.

знаков оговаривало, что утверждение его окончательных сроков принадлежит Министерству финансов. Это позволяло откладывать мероприятия по унификации денежного обращения, и Министерство финансов пользовалось своим правом до тех пор, пока Поволжье и Урал не оказались заняты советскими войсками.

Долгое время правительство не сообщало о сроках выкупа выпущенных Комучем денежных знаков. В 1919 г. боевые действия в Поволжье и на Урале способствовали снижению остроты проблемы местных денежных суррогатов. Воевавшие стороны снабжали прифронтовые регионы миллиардами рублей «сибирских» и «керенок», так как война требовала больших затрат. «Самарские» и «уральские» деньги быстро обесценились, потерялись в общей денежной массе. Они уже не имели такого влияния на экономическую жизнь, как в 1918 г. Наконец, для краткосрочных обязательств Совета управляющих ведомствами Министерством финансов был указан срок выкупа – 31 августа, а для самарских обязательств – 30 сентября 1919 г. К назначенному сроку войска Российского правительства оставили Поволжье и Урал. Реализации этого решения помешало отступление «белых». Вопрос стал актуален главным образом для беженцев, и обменом занимались сибирские отделения Государственного банка[42]. При обмене на них накладывались штемпеля Барнаула, Екатеринбурга, Иркутска, Кургана, Омска, Томска, Челябинска[43]. В конце августа 1919 г. Совет министров продлил сроки выкупа обоих видов суррогатов до 1 ноября 1919 г. [44]

Совершенно иная ситуация сложилась с бонами Дальнего Востока. Постановление Административного совета от 17 октября 1918 г. устанавливало для бон срок наложения штемпелей до 1 декабря этого года. Чтобы не оставить население без денежных средств, в сельских районах штемпелевание проводили в два приема. Сначала собирали половину денег и отправляли в административные центры. Спустя несколько недель они возвращались со штемпелями. После полного возвращения первой части бон сдаче подлежала вторая половина. В действительности финансовые учреждения региона не имели технических возможностей для штемпелевания денежных суррогатов в срок. Благовещенское отделение Государственного банка только 1 декабря 1918 г. сообщило волостным и станичным земским управам через средства массовой информации о порядке проведения обменной операции[45]. Для обмена в дальневосточных отделениях Государственного банка не хватало наличных денег общероссийского образца[46].

---

[42] ГАТО, ф. 198, оп. 1, д. 753, л. 174; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 133, л. 14–14об., 18.
[43] Козлов В. Боны и люди… С. 72.
[44] Правительственный вестник. 1919. 3 сент.
[45] Вестник железнодорожного союза Амурской железной дороги (Свободный). 1918. 1 дек.
[46] Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 5 февр.

25 февраля 1919 г. Совет верховного уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке обсуждал вопрос о технической стороне предполагаемого обмена местных денег на общероссийские, предписанного постановлениями Российского правительства. На совещании бурно дебатировался вопрос о возможности обмена по пониженному курсу, и такой вариант был отвергнут[47]. Накал эмоций был вызван тем, что на Дальнем Востоке не очень хорошо были известны намерения правительства. Именно в день заседания Российское правительство приняло постановление, продлевавшее сроки и конкретизировавшее условия обмена. Вопрос о пониженном курсе обмена местных денег Дальнего Востока в Совете министров даже не обсуждался. Незнакомый с законодательными источниками, Л.Г. Долгов полагает, что именно на заседании этого регионального органа было принято решение об обмене советских денег Дальнего Востока на «сибирские» рубли. К тому же он безосновательно считает, что изъять из обращения местные деньги помешали военные неудачи «белых»[48]. На самом деле проблема заключалась в технических возможностях финансовых органов.

Итак, первоначально местные власти самовольно продлили срок наложения штемпелей еще на месяц. 25 февраля 1919 г. Российское правительство отодвинуло его до 1 апреля[49]. Реально штемпеля накладывали до конца марта 1919 г. Штемпелевание охватило почти все советские боны Дальнего Востока и деньги Временного правительства Амурской области (табл. 6.1.) [50]. Кроме того, на китайской границе в любой меняльной лавке можно было легко поставить фальшивые штемпеля[51].

С осени 1918 г. и до начала весны 1919 г. в отделения Государственного банка Забайкалья, Амурской и Приморской областей почти не поступало централизованного подкрепления наличности ни для выкупа бон, ни для смягчения денежного дефицита. Это способствовало усилению денежного кризиса на Дальнем Востоке.

---

[47] Журналы и протоколы заседаний Совета верховного уполномоченного на Дальнем Востоке. Владивосток, 25 февраля – 19 августа 1919 г. Харбин, 1919. С. 1–8.

[48] Долгов Л.Н. Денежное обращение на «белом» Дальнем Востоке (1918—1920 гг.) // История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С. 77–78; Он же. Экономическая политика гражданской войны: опыт Дальнего Востока России. Комсомольск-на-Амуре, 1996. С. 66; Он же. Экономическая политика белых правительств на Дальнем Востоке (июль 1918 – январь 1920 гг.) // Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 1998. С. 171.

[49] СУР РП. № 5. Ст. 52.

[50] Погребецкий А.И.Денежное обращение… С. 181–183, 251.

[51] Амурская жизнь (Благовещенск). 1919. 12 июня.

Таблица 6.1

Результаты изъятия из обращения местных бон Дальнего Востока в 1919 г. (руб.)

Вид денежных знаков	Выпущено	Предъявлено к штемпелеванию		Изъято из обращения	Осталось непредъявленных в обмену	
		руб.	%		руб.	%
Амурские городские разменные билеты	3087800	–	–	1852664	1557736	60,1
Амурские областные разменные билеты	87001950	–	–	84090040	2570330	96,6
Краснощековские боны	11296575	10666885	93%	10515655	881090	92,2
Сибирские кредитные билеты («молотки»)	20350000	19291500	94,8%	–	–	–

Источник: Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока в период войны и революции. 1914—1924. Харбин, 1924. С. 177, 182, 212, 251.

Законодательное ограничение территории обращения денежных суррогатов Дальнего Востока границами отдельных областей осложнило межрайонную торговлю. Области, в пределах которых имели хождение местные суррогаты, могли производить товарообмен с соседними регионами только на денежные знаки общероссийского образца. Поэтому происходило вымывание «романовских», «керенских» и появившихся в небольшом количестве «сибирских» денег. Небольшие города, удаленные от транспортных путей, страдали от этого особенно сильно. Истратив свои запасы общероссийских денежных знаков на закупку продовольствия в других регионах, их торговые предприятия могли продать свои товары населению только за местные боны, что препятствовало дальнейшему товарообороту. Например, весной 1919 г. в г. Зея население осталось без продовольствия именно по этой причине[52]. В крупных городах, где рыночные отношения были более развиты, положение было не таким безысходным. Там местные боны можно было обменять у менял на общегосударственные с доплатой в 40–60%. На общероссийские деньги возникал ажиотажный спрос, который способствовал быстрому росту цен на товары. Государство же отказалось официально признавать пониженный курс местных денег, что не позволяло производить пересчет зарплаты государ-

[52] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 187.

ственных служащих и рабочих по текущему курсу обмена местных денег на общероссийские[53].

С осени 1918 г. до лета 1919 г. нежелание торговцев принимать платежи местными бонами являлось широко распространенной общей тенденцией для товарного рынка Дальнего Востока. Государственные же учреждения могли расплачиваться почти исключительно местными бонами. Ими же расплачивались и союзные войска[54]. Как это отражалось на торговле, можно проиллюстрировать на примере реквизиции грузов Амурского общества пароходства и торговли в Сретенске. Закупая товары за пределами Амурской области, общество вынуждено было вести большую часть своей торговой деятельности на общероссийские денежные знаки. Местные власти оплатили реквизицию купленных на «керенские» и «романовские» деньги грузов читинскими полтинниками. Формально такие действия являлись законными, но они разорили частную компанию[55]. В Приамурье ещё Временное правительство Амурской области распорядилось принимать в кассах железных дорог только «романовские» и «керенские» рубли. «Мухинки» разрешалось брать только в уплату перевозок местного сообщения. В итоге закупленные грузы не вывозились на запад. Причем борьба с одним суррогатом порождала другой. В отсутствие полноценных денег управление Амурской железной дороги стало выдавать жалование продовольственными бонами, которые брался отоварить дорожный продовольственный комитет[56].

В связи с неурегулированностью вопроса о денежном обращении испытывали трудности и некоторые предприятия государственного сектора экономики. Например, почтовые отделения не могли принимать в бонах денежные переводы за пределы границ своих административных единиц. Железные дороги, осуществлявшие перевозки в соседние регионы, брали в уплату только общероссийские деньги. Нестабильность в регионе, вносимая сохранением в обращении бывших советских денег, вызвала однозначные призывы к Российскому правительству ускорить их обмен на общероссийские денежные знаки[57].

Частные банки, занимавшиеся спекулятивной скупкой местных бон на Дальнем Востоке, не встречали никакого сопротивления со стороны государственной власти. Само правительство оказалось в роли тайного спекулянта. Желая сэкономить средства на выкупной операции, Совет при верховном уполномоченном Российского правительства на Дальнем Востоке 25 февраля 1919 г. предложил выделить частным банкам кредит для не-

---

[53] Там же, ф. Р-176, оп. 1, д. 143, л. 14–14об.
[54] Земская жизнь Приморья. 1918. № 5. С. 5.
[55] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 288, 289.
[56] Вестник железнодорожного союза Амурской железной дороги. 1918. 27, 28 окт.
[57] Амурское эхо. 1919. 4 марта.

гласной скупки местных денежных знаков по пониженному курсу[58]. Документальными свидетельствами о переговорах Совета с частными банками мы не располагаем. Известно, однако, что само Министерство финансов в феврале 1919 г. провело тайные переговоры с дирекцией Русско-Азиатского банка, которому было предложено якобы частным образом начать покупку всех проштампованных денежных суррогатов Дальнего Востока по цене не выше 65% от номинала. Министерство обязывалось оплатить банку все расходы, а также выплатить один процент комиссионных[59].

Такая финансовая политика правительства катастрофическим образом сказалась на рабочих и государственных служащих. Заработная плата, выдававшаяся им обычно местными бонами, имела реальную стоимость на 40–60% ниже номинальной. Это приводило их на грань нищеты, лишало стимула к труду и автоматически ставило в оппозицию к правительству. Рабочие и служащие требовали, чтобы правительство официально признало разницу курсов местных и общероссийских денег и узаконило соответствующие доплаты. С декабря 1918 г. для служащих правительственных учреждений Дальнего Востока были введены прибавки к жалованию[60]. Бюджетных работников других категорий забота государства не коснулась. Но просьбы официально утвердить пониженный курс местных денег Дальнего Востока наталкивались на отказ. Это противоречило постановлению от 17 октября 1918 г, признающего их деньгами, равными общероссийским, но на ограниченной территории[61].

Дальневосточные банки установили своеобразную иерархию денег по видам. Производя обмен, банки гарантировали, что выданные купюры могут в течение некоторого срока быть сданы обратно в банк и будут обязательно приняты по текущему курсу. С самыми ценными видами денег («романовские» и «керенки» крупных номиналов) происходил интенсивный процесс обезналичивания. Они концентрировались на банковских счетах и изымались из обращения. Банки вместо наличных денег могли выдать держателю чек, удостоверяющий возможность получения денег указанными купюрами хорошего качества. Чеки на ценные виды денег сами становились своеобразным видом денег и обладали очень высокой ликвидностью. Такая операция позволяла активно использовать ценные купюры без их амортизации[62].

Итак, местные государственные органы и учреждения, торговые предприятия, рабочие, служащие и просто обыватели испытывали массу неудобств и даже материальных лишений в связи с продолжавшимся обра-

---

[58] Журналы и протоколы заседаний Совета… С. 6.
[59] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 2, л. 61.
[60] Там же, ф. Р-176, оп. 5, д. 48, л. 90, 90об.; ф. Р-196, оп. 1, д. 1, л. 42–42об., 51.
[61] Там же, ф. Р-176, оп. 1, д. 143, л. 14–14об.
[62] Наше дело (Иркутск). 1919. 27 июля.

щением местных денежных знаков и были заинтересованы в их скорейшем обмене. Однако неповоротливость государственных финансовых учреждений и отсутствие средств для выкупа денежных суррогатов не позволили своевременно провести этот обмен.

14 декабря 1918 г. циркуляр Государственного банка сообщил местным отделениям, что хотя хождение местных денежных знаков продлено, каждому отделению разрешается в зависимости от состояния наличности в неограниченном количестве производить их обмен частным лицам, представителям воинских частей, правительственных, общественных и частных учреждений и предприятий[63]. Сведения о том, что отделения Государственного банка действительно начали осуществлять такой обмен, не выявлены. А вот информации противоположного характера предостаточно. В частности, Благовещенское отделение Государственного банка сообщило, что денег у него хватает только для поддержания финансовых операций с заграницей, и обмен «мухинок» в ближайшие месяцы не предвидится[64].

Срок выкупа денежных суррогатов Дальнего Востока переносился несколько раз, так же, как это было с деньгами Поволжья и Урала. Только 5 июня 1919 г. было принято решение, что до 31 июля население должно обменять боны на общероссийские деньги[65]. Реально их обмен проводился местными властями в течение всего лета и закончился в конце августа 1919 г. Всего удалось изъять около 130 млн руб. Более подробные сведения об итогах штемпелевания и изъятия привёл А.И. Погребецкий (см. табл. 6.1). Е.И. Пастухова попыталась также обобщить эти сведения, но только в отношении операции по штемпелеванию. Она отметила, что официальная печать преувеличивала цифру подвергнутых штемпелеванию местных денежных знаков минимум вдвое[66]. На самом деле официальные данные (257 млн руб.) обобщали итоги штемпелевания всех местных денег, а не только дальневосточных и, видимо, близки к истине[67].

Интересен механизм выведения из обращения срочных чеков. В феврале 1919 г. Томское отделение Государственного банка, выпускавшее такие чеки летом 1918 г., сообщило циркулярно в другие отделения, что срок их хождения истекает 1 мая 1919 г. В случае своевременного предъявления подобных чеков в любое из отделений Государственного банка их следовало принимать и высылать в Томск для оплаты[68]. Это распоряжение коснулось, однако, немногих. Уже к началу марта 1919 г. было об-

---

[63] ГАРФ, ф. Р-143, оп. 4, д. 3, л. 39–39об.; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 133, л. 1–1об.
[64] Амурское эхо. 1919. 5 февр.
[65] Правительственный вестник. 1919. 9 июня; Амурская жизнь. 1919. 9 июня.
[66] Пастухова Е.И. Финансово-денежная политика… С.71–72. В таблице этого автора перепутаны сведения о регистрации и обмене амурских денежных знаков.
[67] Правительственный вестник. 1919. 28 апр.
[68] ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 140, л. 4.

менено чеков на 2 455 000 руб., а в обращении оставались только на 684 000 руб.[69] Видимо, аналогичным способом происходило изъятие акцептированных чеков, выпущенных Хабаровским отделением Государственного банка. Его удалось осуществить на 99% всего выпуска путем постепенного обмена на деньги других видов[70]. Неизвестна судьба акцептированных чеков, выпущенных в начале 1919 г. Пермским отделением Государственного банка в качестве краткосрочных денежных знаков[71]. Судя по большому проценту оплаты банками акцептированных чеков, этот суррогат денежных знаков не доставил большого неудобства своим держателям и был своевременно погашен эмитентами.

В 1919 г. ряд местных денежных знаков, объём эмиссии которых был незначителен, выводился из обращения также путем обмена, но без принятия специального законодательного акта. Это делалось в инструктивном порядке. 1 мая 1919 г. управляющий Государственным банком С.И. Рошковский подписал циркуляр, разрешавший местным отделениям обменивать на общегосударственные денежные знаки облигации военных займов и «займа Свободы», выпущенные в качестве денежных знаков Ижевским, Воткинским и Верхнеудинским казначействами, Чрезвычайным уполномоченным Прикамского края и Читинским отделением Государственного банка. Срок обмена специально не оговаривался[72]. Если в Забайкалье таких денежных знаков, подлежавших постепенному обмену, было эмитировано 3 932 910 руб., то размеры прикамской эмиссии неизвестны[73]. С 5 июля 1919 г. обмен на таких же условиях был распространен на облигации «займа Свободы», выпущенные в качестве денег Мензелинским отделением Государственного банка[74].

Это было оправдано с точки зрения социальной. Ведь держатели поволжских и уральских местных денег, оказавшиеся в Сибири, – это, как правило, беженцы или военные. Недоучет этого фактора сильно усложнял им жизнь. Например, эвакуированные в Ишим в августе 1919 г. военные части и жители Екатеринбурга и его уезда не могли ничего приобрести на

---

[69] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 2, л. 55.

[70] Бумажные денежные знаки… С. 180; Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 182. Поразительно, насколько невнимательны подчас бывают бонисты к обстоятельствам эмиссии и обращения изучаемого ими денежного знака. Хабаровским акцептированным чекам посвящено несколько публикаций, которые совершенно не проливают свет на экономические аспекты функционирования этих денежных знаков. — См.: Чекунаев В.В. Акцептированные чеки Хабаровского отделения Госбанка в денежном обращении края 1918—1919 гг. // Нумизматический альманах. 2001. № 2. С. 42–48; Чекунаев В.В., Колосов Л.И. Акцептированные чеки Хабаровского отделения госбанка в денежном обращении края 1918 года // Записки Гродековского музея. Хабаровск, 2001. Вып. 2. С. 230–234.

[71] Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 30 янв.

[72] ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 133, л. 10.

[73] Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 7. С. 3.

[74] ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 133, л. 18.

местном рынке, так как обладали в основном 50-копеечными разменными марками. Не приняло их и местное отделение Государственного банка[75].

Многие местные выпуски государственных ценных бумаг, как, например, выпущенные в обращение казначейством Верхотурья, Семипалатинским отделением Государственного банка и другими кредитными учреждениями востока России, не удостоились подобного внимания государства[76].

Сведения о судьбе местных денег, эмитированных на Дальнем Востоке в 1917—1918 гг., хорошо известны благодаря исследованию А.И. Погребецкого, из которого видно, что основная их масса была предъявлена к штемпелеванию и обмену на общероссийские деньги. Итоговых сведений по деньгам Уральско-Поволжского региона нет. Поэтому особенно интересна ведомственная статистика по этому вопросу. Обзор итогов работы Главного управления Государственного банка за 1919 г. сообщает, что всего банк исчислил местных денег разных видов на 575 млн руб., из которых на 1 января 1919 г. 32 млн руб. значились как не выпущенные в обращение. К 1 июня к ним добавилось 54 млн руб., изъятых из обращения, к 1 сентября – 116 млн руб., и в кассах числилось уже 57 млн руб. Итого в обороте оставалось 402 млн руб. местных денег, учтенных к началу 1919 г.[77] В других источниках обнаруживаются некоторые разночтения с приведенными данными. В них сообщается, что к маю 1919 г. 40,5 млн руб. были сданы в отделения Государственного банка и не выпускались обратно на денежный рынок. В результате усилий правительства к концу июля 1919 г. из обращения было выведено 116 млн руб. местных денежных суррогатов, а к 1 сентября – 209 млн руб.[78] Но даже эти цифры свидетельствуют, что лишь меньшая часть денежных суррогатов была изъята из обращения государственной властью с компенсацией их владельцам. Основная масса местных денег по окончании срока их обращения оставалась на руках у населения. Результаты обменной операции более чем скромные, и они плохо стыкуются со сведениями, введенными в научный оборот А.И. Погребецким. Единственное объяснение может состоять в том, что поволжские и уральские деньги почти не были предъявлены к обмену, так как основная часть их держателей осталась на территориях, занятых советской властью. Судьба этих денег на советской территории до сих пор мало привлекала внимание исследователей.

В течение 1919 г. Российское правительство выпустило в обращение, по разным источникам, от 6 до 15 млрд руб. сибирских краткосрочных обязательств. Это привело к тому, что относительное количество денеж-

---

[75] Ишимская жизнь (Ишим). 1919. 12 авг. Приложение.
[76] Бумажные денежные знаки… С. 105, 171
[77] ГАРФ, ф. Р-143, оп. 1, д. 208, л. 16об.–17.
[78] Там же, ф. Р-197, оп. 2, д. 1, л. 8об., 9, 33об.–35.

ных знаков местного производства стало незначительным по сравнению с предшествующим годом. В Поволжско-Уральском регионе значение местных денег безболезненно свелось к минимуму. В Забайкалье и на Дальнем Востоке действия правительства по выводу из обращения денежных суррогатов оказали дестабилизирующее влияние на финансовый и товарный рынки региона, отрицательно сказались на материальном положении широких слоев населения, ухудшили политическую обстановку.

Шаг вперед, два шага назад: ситуация второй половины 1919 г.

Но выкуп Российским правительством денежных суррогатов 1918 г. в действительности не был реальным движением на пути к унификации денежного рынка. Непреодолимый денежный кризис и отчасти финансовая политика Омска ставили власть в положение Ахиллеса, неспособного догнать черепаху. Меры правительства могли оказаться действенными только при достаточном удовлетворении государством спроса на мелкие денежные знаки. В противном случае местные власти или даже само население вынуждено было решать эту проблему собственными силами, подчас используя меры, не вписывавшиеся в правительственный курс.

В первые месяцы своего существования Российское правительство жестко пресекало всякие попытки выпуска новых денежных знаков местного обращения. Несмотря на острейший недостаток наличности на Урале, оно отклонило просьбу главы Уральского банковского комитета В.П. Аничкова о выпуске казначейских обязательств, изготовленных ещё Временным областным правительством Урала[79].

Это было вполне объяснимо. Концепция развития денежного рынка, принятая Министерством финансов Российского правительства, предусматривала в первую очередь изъятие из обращения местных денежных знаков. Оно должно было состояться в три приёма: ограничение территории хождения и принятия в платежи, регистрация путём штемпелевания и, наконец, обмен. Лишь во вторую очередь собирались изымать из обращения «керенки». Причем, испрашивая у американского правительства заказанные кн. Г.Е. Львовым деньги, Министерство финансов настаивало на том, что оно использует полученные качественные денежные знаки для унификации денежного рынка. Естественно, что для этого следовало пресекать появление новых бон и суррогатов[80]. Упоминают об этих намерениях многие исследователи, ссылаясь на хорошо известный документ[81],

---

[79] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 71–73.

[80] Там же, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 1–1об.

[81] Белый восток: политика и финансы (Цит. по: http://www.antibr.ru/reader/ah_vost-fin_ksd.html); Ипполитов С.С. Финансовая интервенция в белую Россию // Гражданская война в России (1917—1922 г.). М., 2002. С. 180; Шиканова И.С. Денежная реформа Колчака // Труды Государственного исторического музея. Нумизматический сборник. М., 1992. Ч. XI.

вышедший из недр колчаковского МИД, но проанализировать реальную ситуацию на денежном рынке, связанную с попыткой реализовать эти намерения, никто не попытался.

Дополнительное осложнение ситуации на денежном рынке было связано с эвакуацией Экспедиции заготовления ценных бумаг из Омска в Иркутск в ноябре 1918 г. В это время подкрепления новыми денежными знаками перестали поступать в кредитные учреждения[82]. Тогда положение отчасти спасло Томское отделение Государственного банка. Оно выпустило в обращение государственные ценные бумаги со своим штемпелем, приравненные по платежной силе к сибирским краткосрочным обязательствам[83]. В.С. Флеров уточняет, что это было сделано с разрешения и даже по настойчивому требованию Л.В. фон-Гойера в середине ноября 1919 г. Для этого мобилизовали все остатки запасов государственных ценных бумаг, эвакуированных в этот город Екатеринбургского, Тобольского, Тюменского и Бузулукского отделений Государственного банка. В течение месяца эмиссия суррогатных денег составила около 45–50 млн руб., что позволило снабжать деньгами соседние отделения Государственного банка[84]. Приводимые А.И. Погребецким сведения о том, что в период эвакуации Российского правительства из Омска в Иркутск в Томске и Новониколаевске были выпущены в обращение краткосрочные обязательства на сумму в 1 млрд руб., В.С. Флеров не подтверждает. Хотя он указывает, что было выдвинуто предложение осуществить в Томске эмиссию собственных краткосрочных обязательств на вексельной бумаге[85]. А.И. Погребецкий при этом сослался на «частные сведения» и не включил этот выпуск в общий объем эмиссии сибирских правительств. В.С. Флеров же тщательно изучил документацию Томского отделения Государственного банка и отметил даже небольшие выпуски государственных ценных бумаг. Едва ли томский исследователь упустил бы миллиардную эмиссию, если бы она действительно когда-либо была осуществлена.

Томский выпуск является примером общегосударственной эмиссии, предпринятой хотя и местным отделением банка, но с целью пополнения денежного фонда Российского правительства. В декабре 1919 г. Иркутская экспедиция заготовления ценных бумаг и Томское отделение Государственного банка могли обеспечивать денежные нужды только центральных властей. Поэтому Совету министров пришлось официально разрешить некоторые местные выпуски. Например, Благовещенскому отде-

---

С. 150; Она же. Денежная реформа Колчака // Денежные реформы в России: история и современность. М., 2004. С. 127.

[82] Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 19 нояб.

[83] ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 143, л. 152; Свободный край (Иркутск). 1919. 18 нояб.

[84] Флеров В.С. Из истории денежного обращения… С. 15.

[85] Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 8; Флеров В.С. Из истории денежного обращения… С. 14.

лению Государственного банка 16 декабря 1918 г. было позволено произвести выпуск бон достоинством в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 300 и 500 руб.[86] На самом деле в декабре 1919 г. и январе 1920 г. отделению Государственного банка в Благовещенске удалось выпустить только чеки (от чековых книжек для перечисления средств с условных текущих счетов) на сумму 11 750 000 руб. и акцептированных чеков частных вкладчиков на сумму 4 010 189 руб. Городское самоуправление отпечатало 25 млн руб. бонами, но их не выпустили в обращение ввиду очень плохого качества[87].

Изъятие из обращения «керенок», а затем и местных денежных знаков 1917—1918 гг. выпуска явно нисколько не сгладило ситуацию на рынке и не придало большего веса государственной кредитной политике. Денег по-прежнему не хватало, поэтому, не дожидаясь санкции высших органов, некоторые местные административные и муниципальные органы власти отваживаются на собственные выпуски денег. Так, Амурская областная земская управа во второй половине 1919 г. выпустила в обращение земские марки в 50 коп., один, 3 и 5 руб. на сумму 18 млн руб. Хабаровское отделение Государственного банка прибегло к выпуску акцептированных чеков на 2 359 400 руб., а почтовые конторы Хабаровска выпустили разменные марки на 1 230 000 руб. Но самыми крупными эмитентами местных денег в конце 1919 – начале 1920 г. стали власти Забайкалья и Приморья. На американской сетчатой бумаге, перехваченной атаманом Г.М. Семёновым на пути из Владивостока в Омск, Читинским отделением Государственного банка в феврале 1920 г. было отпечатано 500 млн руб. и в первой половине 1920 г. ещё столько же. Выпуск третьей серии на 500 млн руб. не был осуществлён ввиду сильного падения курса этих бон. Владивостокское отделение в декабре 1919 г. выпустило с собственным штемпелем облигации 4,5%-ного государственного займа 1917 г. на 178 млн руб. и купонов к ним на 75 млн 420 тыс. руб. В первом квартале 1920 г. тот же эмитент выпустил 1000-рублевых чеков на сумму 502 млн 50 тыс. руб. Это – помимо уже упоминавшихся в предыдущей главе сибирских знаков[88]. В двух последних случаях эмитенты воспринимали свою власть как суверенную, обладавшую всеми правами принимать решение об объёмах и условиях эмиссии.

В 1919 г. огромное количество новых денежных суррогатов появилось и в других регионах. Причем они, как правило, имели не региональное, как в 1918 г., а локальное значение. Их эмитентами могли выступать государственные кредитные учреждения или местная администрация. Например, Екатеринбургское отделение Государственного банка выпустило

[86] ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 46, л. 390.
[87] Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 214–216.
[88] Там же. С. 38–39, 183, 213, 254–257.

50-копеечные разменные марки, Пермское отделение – временные разменные чеки различного достоинства[89]. Но если в 1918 г. деньги местных административных или муниципальных органов, либо государственных кредитных учреждений явно доминировали, то в 1919 г. они могли занимать скромное положение среди многих видов денежных знаков других эмитентов. Чаще всего это были торговые предприятия, выпускавшие боны с целью облегчить размен денег внутри собственной торговой сети. Например, в начале 1919 г. Уфимский губернский союз кооперативов выпустил для расчета с рабочими своего Никольского чугуноплавильного завода расчетные квитанции 5-ти и 10-тирублевого достоинства на сумму 100 000 руб. Они обеспечивались имевшимися у союза купюрами 25-тысячного достоинства и имуществом, принимались в кооперативах Златоустовского уезда и были настолько авторитетны, что имели свободное хождение в окрестных деревнях[90]. Собственные боны выпускали многие горнодобывающие предприятия востока России[91].

Большинство горных округов Урала весной 1919 г. имели собственные чеки или обязательства. Их особенностью было то, что они не были обязательны к приёму в государственной торговле и кредитных учреждениях, хотя и имели широкое хождение на черном рынке[92]. Такие выпуски очень похожи на описанный ранее случай с ордерами Кузнецкого горного и металлургического АО. Только на Урале государство не пыталось вмешиваться в местное денежное обращение. В лучшем случае заводские выпуски были обеспечены крупной наличностью, хранившейся в кассе завода или на его банковском счете. В худшем – обеспечением объявлялось имущество завода, которое, подчас, оказывалось совершенно неликвидно. Подобные выпуски были, как правило, очень плохо защищены от подделки, с появлением которой эмитент начинал принимать деньги с перебоями. Главным бичом кустарного производства денежных знаков оставалась их очень плохая обращаемость. Они быстро скапливались на руках у держателей, и эмитенту приходилось прибегать к дополнительным выпускам. На уровне небольших предприятий такая «инфляция» оборачивалась обычно не падением курса, а прекращением к приёму в платежи.

Наибольшей пестротой отличался уральский регион. Это объяснялось его индустриальной спецификой: большое количество крупных горнозаводских предприятий, разбросанных и удаленных друг от друга. В период

---

[89] Освобождение России (Пермь). 1919. 4 февр.; Отечественные ведомости. 1919. 30 янв.; Ишимская жизнь. 1919. 12 авг. Приложение.

[90] Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 25 марта.

[91] Отечественные ведомости. 1919. 13 февр.; Минусинский край (Минусинск). 1919. 26 апр.; Каталог бумажных знаков, выпущенных на территории Кемеровской области. Кемерово, 1995. С. 4–5, 12.

[92] Каплан А.Л. Денежное обращение в городе Челябинске // Челябинск в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Челябинск, 2001. С. 55.

кризиса каждое такое предприятие начинало жить собственной жизнью, до предела ужимая связи с внешним миром. Как правило, на крупном промышленном предприятии или в пределах группы таких предприятий вводились собственные деньги. Вторым видом платежного средства были денежные знаки местного кооператива или кооперативного союза. Выпуски кооперативных бон оказались весьма популярными. Они, как правило, гарантировали приобретение в лавках или на складах эмитента товаров. Уральский бонист В.Ю. Козлов справедливо считает, что в периоды смены властей кооперативные денежные знаки оказывались более защищенными, чем знаки других эмитентов, в т.ч. и общегосударственные, подверженные периодическим обменам[93]. Большинство кооперативных бон вводилось лишь с целью размена. Их выпуск, как правило, обеспечивался товарами кооператива, поэтому они не оказывали разрушительного воздействия на рынок и не обесценивали рубль.

Но только в глухих углах и при наличии в округе «предприятия-гегемона» удавалось ограничиться одним видом бон. В крупных селах тоже существовали собственные боны. Как правило, сельские жители тоже ограничивались одним видом[94]. Наименьшей локализации оказались подвержены денежные рынки северо-востока России – Якутии, Камчатки и Чукотки. Их особенность состояла в том, что там вообще не было почти никаких денег. Местные выпуски были предприняты только в 1920 г., несмотря на острейший денежный кризис. Вся торговля происходила в обмен на золото, естественно, по очень низкому курсу, потому что в ситуации дефицита торговцы диктовали условия и играли на искусственном повышении цен[95].

В крупных городах существовали свои особенности функционирования денежного рынка. Даже в Омске, где в целом картина была более-менее благоприятной, и общероссийские денежные знаки до лета 1919 г. принимались на рынке по одному курсу, недостаток разменной монеты вынуждал магазины, рестораны, парикмахерские и т.п. заведения выпускать собственные разменные боны. За пределами Омска разница курсов на романовские, керенские, сибирские деньги, купоны «займа Свободы» установилась гораздо раньше[96]. В Тюмени уже летом 1918 г. свои заменители денег в виде купонов, квитанций и расписок выпускали Тюменское общество домовладельцев, рестораны, парикмахерские, магазины[97].

Сложившаяся в Харбине ситуация, видимо, была типична для многих городов востока России. Там в мае 1919 г. профсоюз железнодорожников вел переговоры об условиях оплаты труда. Предметом переговоров был

---

[93] Козлов В. Боны и люди… С. 44–46.
[94] Рогов Г.И. Разменные боны села Алексеевское // Нумизматика. 2004. № 6. С. 30–31.
[95] Минусинский край. 1919. 11 июля.
[96] Записки белогвардейца // Архив русской революции. М., 1991. Т. X. С. 104.
[97] Наш Урал. 1919. 8 июня.

не размер оплаты или её сроки. Речь шла о том, сколько купюр, какого вида и достоинства имеет право выдавать администрация в уплату рабочим и служащим. Это для них было не менее важно, чем номинальный объем выплат[98]. Но даже в этих переговорах обсуждались только боны Русско-Азиатского банка и общероссийских выпусков: «романовские», «керенские» и «сибирские» рубли. Реальная ситуация была очень сложной.

В Харбине, по сведениям издательства газеты «Новости жизни», только 16 крупных торговых предприятий, в том числе аптеки и клубы служащих, ремесленников, спортсменов, выпускали собственные денежные знаки[99]. А.И. Погребецкий насчитал 22 торговые организации, эмитировавшие свои боны. Причем его сведения не во всем совпадают с данными газеты[100].

В Амурской области в конце 1919 г. имело хождение несколько частных бон: Главного продовольственного комитета Амурской железной дороги, Благовещенского городского общества потребителей, авансовые карточки Амурского областного кредитного союза и Амурского областного союза кооперативов «Амурский кооператор», Зейского кооператива[101].

Аналогичная ситуация наблюдалась повсюду. Часто подобные денежные суррогаты были элементарной распиской торговца на клочке бумаги. Их нельзя считать настоящим денежным знаком. Но многие доморощенные эмитенты пользовались разными способами защиты своих «денег» – особый вид печати, номера, т.е. придавали им вид денежных знаков. Местные власти пытались бороться с этим явлением. Однако законных претензий эмитентам предъявить было невозможно, так как каждое предприятие имело право выпускать свои кассовые ордера или долговые расписки любого вида[102]. Поскольку эмитенты не претендовали на обязательное и свободное хождение своих платежных средств, правовых или административных способов бороться с засорением рынка подобными денежными суррогатами не было. Оставались экономические меры, но на этом поприще власть была бессильна. Да и бороться с естественной саморегуляцией денежного рынка было опасно. Как не парадоксально, некоторые боны обменивались на рынке полным рублем и даже выше. Общероссийская валюта не вызывала доверия, а солидная фирма гарантировала предъявителю своих бон продажу товаров или оказание услуг на указанную сумму. Поэтому боны известных фирм становились предметом накопления и очень плохо возвращались обратно в кассы. На рынках стали

---

[98] Новости жизни (Харбин). 1919. 22 мая.
[99] Там же. 31 мая.
[100] Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 340–341.
[101] Там же. С. 216–217; Бумажные денежные знаки России и СССР. СПб., 1993. С. 102.
[102] ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103. л. 131–132об.

появляться подделки. Это вынуждало эмитентов предпринимать новые выпуски и искать новые способы защиты.

Проблемой изучения местных средств необязательного платежа занимаются главным образом бонисты. В исследованиях по бонистике обстоятельствам выпуска денежных знаков практически не уделено внимания, так как их выяснение требует работы с делопроизводственными или повествовательными источниками. Но даже информация, сообщаемая на самих денежных знаках и воспроизведенная в каталогах, позволяет сделать некоторые наблюдения. Так, падение советской власти на Урале летом–осенью 1918 г. и утверждение сначала Временного областного правительства Урала, а затем Российского правительства почти не повлияло на ситуацию на локальных денежных рынках. Судя по всему, практически весь запас общероссийских денег в горнозаводских округах резервировался для взаимодействия с внешним миром. Предприятия, получавшие недостаточно денег для выплаты заработной платы, осуществляли выплату купонами, бонами, ордерами. Попадавшие к населению общенациональные деньги перетекали в кассы кооперативов в качестве авансов за товары. Взамен выдавались кооперативные боны, на которые осуществлялся местный кооперативный товарооборот. Подобная практика сформировалась в регионе с начала 1918 г. Смена власти привела к уходу с рынка одних эмитентов (советов и рабочих комитетов) и приходу на их место других (как правило, заводоуправлений). Не удивительно, что восстановление советской власти летом 1919 г. в очередной раз мало изменило картину. Только увеличилось количество кооперативных эмитентов[103].

На рубеже 1918—1919 г. интервенты стали готовить выпуск собственных разменных денег на Дальнем Востоке. Речь шла об эмиссии тремя иностранными банками (Гонконг-Шанхайским, Индо-Китайским и Индустриальным) бон на 10 млн руб. мелкими купюрами, обеспеченными внесением на депозит Государственного банка такой же суммы в сибирских краткосрочных обязательствах крупных номиналов. Министерство финансов категорически возражало, хотя советник МИД Российского правительства на Дальнем Востоке В.Э. Гревс настойчиво рекомендовал правительству не препятствовать этой мере как улучшающей денежное обращение в регионе[104]. Ещё более опасным явлением был выпуск денег японского экспедиционного корпуса и Чосен-банком в иенах. Японцы расплачивались ими за товары и услуги, а население охотно принимало их, так как они гарантировали обмен на валюту[105]. В конце 1919 г. эти два вида

---

[103] Козлов В. Боны и люди… С. 85–255.

[104] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 1, д. 64, л. 14.

[105] Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 34; Рогов Г.И.. Денежное обращение… С. 160–162; Уфимцев Ю. Японские деньги России (1918—1922 гг.) // Япония сегодня 1996. № 4. С. 26–27.

денежных знаков станут проводниками «иенизации» дальневосточного денежного рынка.

Наиболее авторитетным и грамотно организованным видом частных денег стали боны Русско-Азиатского банка. Их изготовление банк заказал American Banknote C°. Летом 1918 г. боны были получены, в октябре загрифованы соответствующими подписями и в декабре того же года поступили в обращение. Общий выпуск составлял 20 млн руб. Боны не обеспечивались драгоценными металлами или деньгами общероссийского образца. Они были обязательны только для приёма кассами КВЖД и Русско-Азиатского банка. Их размен производили на российские деньги старых образцов – «романовские» и «керенки». Действительно, боны, прозванные «хорватовскими», ценились на валютном рынке наравне с романовскими рублями. С начала 1920 г. правление банка зафиксировало курс обмена своих бон на золотой рубль. Боны постепенно прекратили своё действие к маю 1920 г. Правда, Русско-Азиатский банк не производил выкупа или обмена своих банкнот, что вызвало в 1924 г. претензии к нему со стороны держателей[106]. Российское правительство негативно отнеслось к выпуску в полосе отчуждения КВЖД бон крупнейшего на Дальнем Востоке российского банка, полагая, что эта мера, наряду с валютными спекуляциями, способствует понижению курса сибирских денег. В результате этих запретов КВЖД вынуждена была перейти на валюту.

В многообразии частных бон денежного рынка порой обнаруживались совершенно парадоксальные явления. Например, одним из значительных эмитентов стал крупный Владивостокский торговый дом «Кунст и Альберст». Удивительным было то, что его боны имели хождение в разных городах «восточной окраины», в том числе и там, где их нельзя было предъявить непосредственно эмитенту для оплаты или отоваривания. Этот частный эмитент даже указал весьма значительный район обращения своих бон: Приморская, Амурская и Сахалинская области. Аналогичным авторитетом на Дальнем Востока обладали ордера сельскохозяйственных складов, гарантировавшие предъявителю предоставление товара на указанную сумму[107].

Денежные суррогаты в значительной мере усугубляли сложное финансовое положение контрреволюционных правительств, вызванное острым недостатком средств в государственной казне. Появление суррогатных денежных знаков в финансовом обращении России в годы гражданской войны явилось объективным следствием денежного дефицита, порожденного политикой предшествующих лет, и распада связей между отдельными регионами. В отличие от лидеров большевиков руководители финан-

---

[106] Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 323–327.

[107] Там же; Рогов Г.И. Денежные знаки… С. 158–162; Он же. Денежное обращение… С. 160–162.

совой политики сибирской контрреволюции понимали необходимость унификации денежного обращения и пагубность существования в обороте денежных суррогатов. Однако пример финансовой политики «белых» на востоке России со всей очевидностью свидетельствует, что борьба с этим явлением путем одних административных запретов или ограничений не могла стать эффективной. Контрреволюционные правительства востока России не сумели создать необходимых экономических предпосылок для борьбы с денежными суррогатами, т.е. восстановить связь между финансовыми учреждениями страны и создать необходимый запас качественных денежных знаков общероссийского образца для замены суррогатных купюр полноценными.

Деятельность контрреволюционных правительств Сибири по регулированию денежного обращения привела к потере государственного контроля над денежными потоками и оказала дестабилизирующее влияние на финансовый и товарный рынки региона, отрицательно сказалась на материальном положении населения. Не только крестьянство и рабочий класс, но и государственные служащие и даже буржуазия понесли большие убытки от некомпетентных действий властей. Финансовые мероприятия Российского правительства стали одним из важнейших факторов, способствовавших массовому переходу населения в лагерь оппозиции.

Появление множества видов денег было не случайностью, а жесткой исторической закономерностью. Оно означало, что основные общенациональные деньги не только превратились в дефицитный товар, но и потеряли свойства абсолютной ликвидности. Однако и суррогаты общенациональных денег не обладали этим качеством. Они действительно восполняли недостатки разлагавшейся общенациональной денежной системы: сглаживали в острые моменты дефицит денег, как наличных, так и безналичных, восстанавливали баланс между крупными и мелкими купюрами. На региональных и местных рынках складывалась ситуация абсолютной конкуренции между эмитентами – как раз то явление, о котором много лет спустя написал Ф.А. Хайек как о нормальном состоянии денежной системы. В этом случае потребитель действительно мог свободно выбирать между наиболее успешными эмитентами, способными лучше конкурентов обеспечить свои знаки товарами и уберечь их от обесценивания. Но это свойство денег могло проявить себя только на уровне локального сообщества и только в краткосрочной перспективе. Более того, сама необходимость в появлении местных денег возникала лишь при дефектах общенациональной денежной системы и с их ликвидацией исчезала.

Сами эмитенты видели в выпуске денежных знаков экономическое зло. Они шли на эмиссию только тогда, когда понимали, что в данный момент это – меньшее из зол по сравнению с безденежьем и невозможностью размена. Значительная часть местных эмиссий была связана с общенациональной валютой, которая являлась обеспечением местных денег и

бон. К тому же она предпринималась как временная мера. Сглаживая одни недостатки фондового рынка, многообразие денежных знаков оплаты порождало другие. В частности, ликвидность местных денег и бон замыкалась в пределах локального или регионального рынка, и это усиливало и институционализировало распад экономических связей. Издержки по размену денег возросли по сравнению с периодами функционирования общенациональной валюты. Часто такой обмен становился невозможен. Социальные издержки обращения на рынке множества денег и бон оказались очень велики. Демонополизация денежной эмиссии несла в себе заряд величайшей социальной несправедливости. Она была ещё менее предсказуема, чем традиционная денежная ситуация, увеличивала риск перекладывания экономических издержек государственной власти на предпринимательский сектор и домашние хозяйства, а предпринимателей – на домашние хозяйства. В конце концов, ответственность многих эмитентов перед потребителями денег, даже совокупная, оказывалась нисколько не выше, чем ответственность государства. Зато демонополизация денег сделала государство бессильным перед лицом стихии фондового рынка.